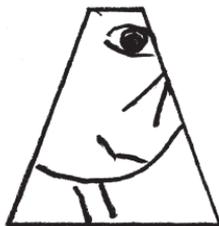

Галина Илюхина

птица брейгель

Стихи

РУССКИЙ ГУЛЛИВЕР
МОСКВА
2021

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5
И49

Илюхина Г.

И49 Птица Брейгель / Галина Илюхина. –
М. : «Русский Гулливер» / Центр современной литературы,
2021. – 72 с.

Галина Илюхина

Родилась в Ленинграде, живет и работает в Санкт-Петербурге. По образованию юрист. Автор пяти книг стихов — «Пешеходная зона» (СПб, 2006), «Ближний свет» (СПб, 2010), «Птичий февраль» (СПб, 2013), «Колокольная горка» (СПб, 2016) и «Прощение славянки» (СПб, 2018). Лауреат литературных премий «Молодой Петербург», «Русский Гофман», «Преображение России» им. С.Н. Сергеева-Ценского, обладатель Специального приза Волошинской премии, дипломант Международного Тургеневского конкурса «Бежин луг» и др.

Одна из основателей и организаторов ежегодного международного литературного фестиваля «Петербургские мосты», а также автор и куратор множества других литературных проектов.

Стихи публиковались в журналах «Юность», «Новый берег», «ШО», «Дружба народов», «Звезда», «Аврора», «Зарубежные записки», «Дети Ра», «Интерпоэзия», «Крещатику» и других российских и зарубежных изданиях, переведены на английский, польский, украинский и испанский языки.

Член Союза писателей Санкт-Петербурга, Союза российских писателей и Русского ПЕН-центра.

© Илюхина Г., 2021

© Русский Гулливер, 2021

ISBN 978-5-91627-279-6

© Центр современной литературы, 2021

Петербург, Питер, Питер Брейгель. Атмосфера мягкой сумеречной зимы, точность поэтического рисунка, внимание к деталям и в то же время умение обобщить картину взглядом, моментально от этих деталей отдаленным, роднит стихи петербургского поэта Галины Илюхиной с живописью великого малого голландца. Птица Брейгель – метафора этого призрачного, летучего родства душ, мест, времен. Для меня один из критериев ценности стихотворения — желание запомнить его наизусть, чтобы потом можно было возвращаться к нему независимо от близости книжного шкафа. Многие стихи Галины Илюхиной обладают способностью не только взлететь, но и птичьим коготком зацепиться за какую-то складку моего сердца и памяти.

Леонид Юзефович

Питер. Брейгель.

Снег. Очертания домов
так мягки, будто из бисквита.
Хвосты пушистые дымов
из труб виляют домовито.

Вот пёс на заячий манер
взрыхлил прыжком сугроб лохматый,
и дворник, словно гондольер,
плывёт, орудуя лопатой –

безмолвный медленный гребец
в похмелье собственного стикса, –
и трогает железной фиксой
морозца ломкий леденец.

Тишь, как в стране глухонемых.
Лишь небо фетровое брея,
вещает тщетно птица Брейгель
о мнимой мягкости зимы.

Птица

Волхвовать-колдовать не научат вальжжные карлики:
вся наука – насыпать на жертвенный камень зерно,
и, на шкуре шмеля развалясь, пустословить – о карме ли,
о душе ли, о роли в большом лилшпучьем кино.

Говорят, не летает – что стали, мол, крылья тяжёлые,
что на жилистой лапе эмалевый перстень-финифть...
Но молчат, что она поселяется в буйные головы
тех, кто смог хоть однажды с ладони её покормить.

Механический звон или шёлковый голос сиреневый?
Сумасшедший размах её крыльев – роскошная тень:
подымаешь глаза, и не видишь, как тает шагреневый,
только твой, только раз для тебя полыхающий день.

Ох, как страшно поёт-ворожит эта птица когтистая.
Словно галька морская, журчат в её зобе слова,
и вибрирует горло – большое, насквозь золотистое, –
а из каменных глаз, шелестя, прорастает трава.

Восхождение

Сквозь ползучие туманы по лугам
человек идёт и тоненько свистит.
Влажно шепчутся неясные кусты,
травы вьются по босым его ногам.

Улыбается чему-то своему –
запрокинута дурная голова.
А на лоб слетает ранняя листва,
да цепляются колючки за суму.

И не ищет он ни ямы, ни тропы,
и не чувствует, что рубаха солона.
Костяная окаянная луна
отражается в глазах его слепых.

Ничего в его раскинутых руках.
Удаляясь, он становится высок.
И луна ему царапает висок –
он идёт уже по плечи в облаках.

* * *

Запотело небо снизу,
воздух выгнут, словно линза —
мы под колпаком.
Эти стены ледяные,
эти слёзы слюдяные
не пойми по ком —
по тому ли, с кем расстались,
уложив под крест,
по себе ли, что остались
мыкать этот квест.
Нем и слеп стеклянный купол.
Видно, Богу не до кукол,
дел других полно.
Нам ведь замысел не ведом,
чем измерить цену бедам?
То-то и оно.
Не ропщи, что нас накрыло,
Бог всегда даёт по силам —
распахни глаза.
Видишь — бьются в божье днище
человеки — сотни, тыщи,
и у всех у них глазищи —
хоть на образа.

Крещенское

памяти Ольги Земляной

Я лежала в пруду под नेताющим льдом
и смотрела на мой улетающий дом
сквозь кружащее крошево снега,
что плясало и падало с неба.

Отражались во льду и скользили огни,
и, дразня на лету (мол, лежи и ни-ни),
падал свет из оранжевой спальни,
и из ближнего делался дальним.

Я дышала на лёд, я стучала в него —
там, за ним, наступало моё Рождество,
там остались мои домочадцы —
ни доплакаться, ни достучаться.

В небе чисто и тонко запела труба,
обжигая, вода закачалась у лба,
зазвенел ледяной колокольчик —
звон был холоден, ломок, игольчат.

Тихий ангел по снегу крылом пошуршал,
ртом обветренным лунку во льду продышал,
«Вот и всё, — прошептал, — Аллуйя...»
И лицо уколол поцелуем.

Закатное

Кашляет город в красной закатной пыли,
 мусорным шорохом кружит пустые арки.
 Нитки запутали, скомкали, в петли свили
 пьяными пальцами напи слепые парки.

Всё дежавю в этом горячем сюре:
 ветер колючий, карликовые смерчи.
 Где ж это было? – петли, кирпичный сурик...
 Город зеро не отпускает смертных.

Это тупик. Но помнишь - ступени, слева, –
 в прошлой какой-то жизни все это было:
 ржавые прутья, древних проломов зевы...
 Только не трогай распатанные перила!

Город пустой, секущий лицо ветрами,
 весь на ладони – маленький, муравьиный.
 Небо почти вертикально стоит над нами,
 падает и... промахивается. Мимо.

Пандемия

На Невском холодно и пусто.
Маячит в маске постовой,
и что-то ищет призрак Пруста,
бредя по мёртвой мостовой.

Сквозь щели карантинных ставень
не то закат, не то пожар.
Нас Бог на паузу поставил
в момент крутого виража,

и мы зависли в странных позах
на зыбком лезвии луча,
но всё ещё взбиваем воздух,
ногами суетно суча.

А всё кругом крупнее, чётче –
вот голубь стонет на окне,
вот неустанный древоточец
ползёт по медленной стене.

Озон, гроза в начале мая,
и так прозрачна суть вещей...
А мы её не понимаем.
Не понимаем. Вообще.

9 мая 2020

Сидим себе, справляем майские.
Столы накрыты, сняты маски, и
коньяк тут, и икорка с булкой вам –
не то что тем, кто лёг под Пулковом.

На яства и ряды бутылные
глядят со стен портреты пыльные.
И дед глядит, хлебнувший бедности,
а в сорок два пропавший без вести.

Он воевал всего три месяца.
Кровавая крутилась мельница,
звезду пробило на околыше –
и ни могилы, и ни колышка.

Над битвой ангелы военные
метались в ужасе, наверное,
теряя подопечных в хаосе,
а на земле война сжигала всё.

И младший становился старшим, и
за братом рвался в это страшное,
и мамки, зажимая рот рукой,
бежали с воем за полуторкой...

А нынче мы, потомки бледные,
сидим и пьём за дни победные,
боясь то кризиса, то вируса.
Не дотянулись. Недовыросли.

Зима близко

О чём вы, о каком пути особом?
Я тихо становлюсь социофобом,
всей кожей чую ледяной прогноз –
что воздух обжигает ментолов,
что близится зима в игре престолов,
и мир идёт вразнос.

Наедине с собой слышнее звуки:
с угрюмым лязгом танки и базуки
в невидимого целятся врага.
И, с криком вскинув тоненькие руки,
роняют тапки маленькие муки
и падают в снега.

Грядёт зима. Я не хочу о грустном.
Но, боже, как смертельно пахнет дустом
легчайший первый снег.
Забьёшься в щель – а третья мировая,
железной фомкой плитусы вскрывая,
идёт, одна на всех.

* * *

Бараньи рёбра фонарей над скоростным шоссе,
и мокрых туч овечья шерсть кровавится закатом.
Дымятся потные бока, и все бегут как все,
и очумелые стада теряются за КАДом.

А я стою, смотрю наверх, где зреет первый снег,
и самолётिका звезда блестит во мгле полярной.
И красота, и чистота, и место есть для всех,
и пастушок трубит в рожок над головой повинной.

* * *

Как снежная пушка, беспумным зарядом
набухла пушистая мгла,
и терпкая горечь по всем, кто не рядом,
упруто за горло взяла.

В тоскливое время распухших миндалин
согрей себе чай с молоком.
Ты просто по-русски нелепо ментален,
не стоит грустить ни о ком.

Не видно луны, дело близится к ночи,
мы сами себе сателлит.
Осеннюю песню миндальный молочник
тихонько скулит и скулит.

Смотри, как с беспечною волей цыгана
слетает снежок на поля.
И ясно, за что эта жизнь дорога нам,
и свежесть в молочном тумане циана,
и сладость, и яд миндаля.

* * *

Тут солнечно и холодно. Зима.
 Вот девочка с коленками худыми
 протаивает лунку в белом дыме.
 О, Господи, да это я сама
 проваливаю в облачный сугроб
 горячий лоб...

Дышу-дышу. Совсем осталась малость.
 Сим-сим, откройся! Нету терпежу.
 Ещё чуть-чуть – и лунка продышалась,
 и я в неё так пристально гляжу.

А там, внизу, виднеется земля –
 мохнатая, зелёная, большая.
 И море. И скорлупка корабля.
 А тут зима, сугробы распушая,
 сверкает ослепительно окрест.
 И я как перст.

Кому сказать – «я больше так не буду»,
 кому кричать сиротское «ау,
 пожалуйста, пусти меня отсюда
 опять туда, домой, где я живу»?

Сама себе и птица, и гнездо,
 сама себе ребёнок и родитель.
 И медленно, как болеутолитель,
 внутри меня, стихая, нота «до»
 уходит в шорох зрелого зерна.
 И – ти-ши-на.

* * *

Ночью выпадет снег – неуверенный, мягкий, творожный,
станет тихо светиться, заполнив квадраты дворов.
Постояв на пороге, с утра пешеход осторожный
аккуратно следами прошьёт этот свежий покров.

И потянутся строчки – прямые, кривые, косые, –
огибая забор, что чернеет года и года,
за которым дорога (о, слава дорогам России),
вся в ухабах и ямах, ведёт неизвестно куда.

Вечер всё обнажит, перемесит в унылые хляби,
превратит чудеса в решето некрасивых прорех...
Я хочу волшебства. На чуть-чуть, до рассвета хотя бы.
Скоро выпадет снег. Обязательно выпадет снег.

Святки в Песочном

Что до зимы и всех её красот
тем, кто в Песочной мается больнице?
К стеклу прижавшись лбом, стоять,
молиться,
потом считать - до сотни, до трехсот, -
слонов стада, верблюдов караваны,
в надежде хоть на час, на полчаса
в сон завернуться, лоскуток нирваны
урвать...
В окне фонарь, и полоса
скупого света.
Вьётся пух перинный.
Белёсый пёс походкою звериной
едва тревожит снега полотно.
Всё тихо-тихо, как в немом кино.
Пока ты дремлешь, снегопад прошёл.
Блестит звезда рождественским осколком.
Крещенский ангел реет над посёлком.
Всё хорошо.
Всё будет хорошо.

* * *

В день солнечный, стеклянно-ледяной,
о мелочной судьбе своей не ной —
о нищете, соломенном вдовстве...
Иди, шурши, валяйся на листе,
вдыхай арбузный воздух октября,
и станет всё не зря:
и ты не зря,
и осени неистовая синь,
и «синяки» у входа в магазин,
и скверик в конопатой пестроте,
и мамочки, пасущие детей,
и куполом сияющий собор...
и некто, наблюдающий в упор,
как падает его стеклянный шар,
в котором он всё это намешал.

Мой город

Я умру, а этот город с невесёлыми глазами
будет щуриться на солнца анемичное пятно.
Через Невский и Литейный лягут тени полосами,
воробьи слетятся к храму на старушкино пшено.

Завихрится пыльный столбик по бульжной Колокольной,
вспыхнут солнечные блики на облупленной стене,
и заплачет детский голос – по-хозяйски, своевольно, –
потому что есть на свете, а совсем не обо мне.

Встрепенётся сонный голубь, шкрябнет когтем по карнизу,
всколыхнутся занавески над оконным цветником.
Толстый кот подымет веко: все коты умеют снизу
охватить ленивым оком мирозданье целиком.

Там, вверху, свежо и ясно, и не виден пыльный город
с невесёлыми глазами, что слезятся на ветру...
Он мне так невыразимо, так невыносимо дорог,
что умру я ненадолго. Или вовсе не умру.

* * *

Вечер пахнет свежескошенной травой.
На веранде басовитая оса
о стекло стучится глупой головой,
занимаясь этим кряду полчаса.

Полчаса безделья – лакомый кусок,
даже если сей покой не задарма.
На плече моём блаженно задремав,
просто слушай насекомый голосок.

И не думай про грехи да про долги,
отпусти вины осиную тоску –
просто чувствуй, как, расслабленно легки,
пятна солнца подбираются к виску,

и под веками, жива и горяча,
пробуждается изнанка бытия:
видишь, милый – это ты, а это я –
два нечаянно скрестившихся луча.

* * *

Сентябрьский луч зажжёт цветные стёкла,
дома в поселке сонны и пусты.
Как старички, прижавшись к стенке тёплой,
на солнце млеют поздние цветы.

Когда бы можно было жить, не зная,
что мир намного больше и грустней,
чем ёжики в траве, тропа лесная,
пенёк в опятах, дятел на сосне.

И не ворчать, что резвые потомки
твою разворотили колею.
Закрывать глаза – и проскользнуть по кромке,
бомжом предзимним волоча в котомке
нехитрую вселенную свою.

* * *

Вот и люби, что тебе досталось -
чахлые липы в безлюдных скверах,
рваное небо в потёках алых,
старые стены в потёках серых.
Чем не богатство - окошек россыпь:
утлый уют запечатан в рамы.
Запахи кухонь, герань и флоксы,
грустные дети играют гаммы.
Бледные руки, прожилок просинь...
Крепче люби, горячей и проще -
поторопись - подступает осень,
долгая осень, длиннее прочих.
Глубже вдыхай, осязай и слушай,
ибо досталось совсем не мало:
всё, что ещё не смогли разрушить,
осенью долгой дороже стало.
Воспоминаний теплеет шёпот,
лица любимых родней и чётче...
Солнце по-детски ласкает щёку,
божья коровка ладонь щекочет.

Ленинградское детство

Колодца дворовая рама,
и в небо с квадратного дна
опять фортепьянная гамма
летит из чужого окна.

И голос мальчишеский, ломкий,
взмывает за ней в синеву,
а я невесомой соломкой
восторженно следом плыву –

громаде доходного дома
худую ручонкой машу,
и платьице с биркой «швейпрома»
вздувается, как парашют.

И ветер – огромный, весенний, –
такой, что бери и лети!
А завтра – ура, воскресенье,
и в школу не надо идти!

И этот невидимый мальчик,
и хрупкий серебряный альт,
и хилый герой-одуванчик,
пробивший бугристый асфальт,

и небо, что рвётся на части,
сияя в промытом окне –
моё ленинградское счастье,
которое выпало мне.

Буквоедное

Обрастают пылью нетронутые тома.
Я когда-то мечтала всё прочитать сама –
лет с пяти я тащила книжки в своё гнездо,
облюбованное под окошком у батареи.
И меня от добычи не мог оторвать никто –
с наслаждением вгрызалась, глотала всё от и до
самой крошечной буквы, от голода фонаря.

О, тот сладостный запах бумаги – ваниль и тлен!
Затекало тело – не разогнуть колен,
я не замечала, скрючившись в эмбрион,
как от долгого чтения ноют спина и шея.
Шелестели страницы, имя им – легион,
и внутри рождался из куколки махаон,
расправляя детские крылья и хорошея.

Я теперь сижу за столом, а не на полу.
Сохнет бабочка, жёстко подсажена на иглу
в сетевой инсектарий – прожорливый монитор,
а на пыльных полках всё меньше и меньше места:
вон их сколько – нечитанный мой укор.
Обступают книги, в затылок глядят в упор,
и, меня не простив, однажды съедят в отместку.

По праву винодела

Я знаю, это так: я родилась в любви.
Я родилась в любви, но выросла — от боли.
И как мостов ни жги, как письма ни рви,
я помню наизусть все явки и пароли.

Я сумрачно брожу в задумчивых садах,
где зреет виноград, прохладный, словно камни,
и молча говорит: «уже вот-вот страда»,
храня в себе печаль грядущего глотка. Мне
осталось настоять и пережить вино,
и мошкарю любви, что сладостно гудела,
летя на ближний свет сквозь солнца волокно,
закупорить в бутылку по праву винодела.
Мне ягоды в ладонь ложатся тяжело —
осенние плоды, подёрнутые дымкой, —
там сладко спят внутри мои добро и зло,
зародыши любви, подёнки-невидимки.
Я сдавливаю гроздь — и мне её не жаль:
от зрелой боли нет ни горя, ни оскомы.
И время пить вино, и кутать плечи в шаль,
и выпускать на свет свой опыт насекомый.

Юность

Тянутся мордами кверху жирафы кранов,
небо свежо и просторно, закат шафранов.
На пустыре, заросшем ромашкой горькой –
я и Борька.

Так мне и надо, всё приключений мало:
мамины туфли надела – каблук сломала,
ногу расшибла о ржавую арматуру –
дура, дура!

Плачу от злости: мне больно, – кричу, – не трогай!
тщетно пытаюсь казаться не жалкой – строгой.
Борька на рану приклеивает осторожно
подорожник.

Я замираю на миг, в животе щекотка –
кадр из юности, ясный, до боли чёткий –
стой, моя память, радостью залитая
золотая.

Крымское

Еле помню тебя – чудака, гордеца, иноверца,
обломавшего копья у стен моего рavelина.
Но как сладко гудит ностальгия в зазубринах сердца,
наполняя вишнёвые соты печалью пчелиной.

Стрекотали часы под щекой – наш кузнечик несчастья.
Ты сорвал их тогда и ударил о крымские камни,
и с перрона отчаянно долго махала рука мне –
с беззащитно белевшей полоской на смуглом запястье.

Что камням до людской суеты? Время треснуло, встало.
В киммерийском разломе печалится гул ностальгии.
И по лунной дорожке, оставив ничейные скалы,
в ту же самую воду любовники входят нагие.

* * *

Он просто уехал. Куда? Например, в Тенерифе – служить там смотрителем рифм и коралловых рифов, замешивать пышную жизнь из воздушного теста, на солнечном масле поджаривать лёгкие тексты, и эдаким ласковым чёртиком, чёрным, как сажа, лукаво русалок и нимф завлекать для массажа, чтоб, лёжа на пляже, потягивать терпкие вина, и гладить лениво солёные тёплые спины.

Но медное солнце с шипеньем опустится в воду, вздыхающий ветер зашепчет печаль и свободу, заплещут вокруг большеротые грустные звезды. И вот он уже обратился в мерцающий воздух, и вот он уже светлячковой колышется сеткой во мгле среднерусской – над старой заросшей беседкой, над брошенным домом в кустах белопенной сирени, где тихо скулит домовёнок, уткнувшись в колени. Над краем села, над сырым соловьиным погостом. Нет-нет, он уехал. Он просто уехал. Он просто...

ГЛУБИНА

Памяти В. Илюхина

1. Пограничники

Мы стоим на мостике вдвоём.
Наверху зияет глубина.
А внизу зеваёт водоём,
только отражаюсь я одна.

В сизой хмари тонут берега,
шепчутся осины да ирга,
и скрипят сосновые мостки
под порывом северной тоски.

Шелестит в затылок голосок,
острый, точно лезвия осок:
«вот и всё, отрезаны пути,
не держись за руку, отпусти,

отпусти, очухайся, очнись,
подели надвое верх и низ —
наверху такой же водоём,
в нём вы отражаетесь вдвоём...»

Жмусь тесней к горячему плечу.
Пограничник зыбких амальгам,
дань свою и птицам, и малькам
я потом за это заплачу.

2. Берег

Дом на сваях высоких. В осоке шуршит песок,
словно сильный колдун остерегает: тсс...
Низкий ветер змеится, с моря наискосок
дюны ползут на мыс.

Хмарью небо набухло, грудью легло к земле
и придавило, согнуло кривой сосняк.
В тучах юная ведьма ныряет на помеле,
пальцы её в перстнях.

Вот оно, место пабаша. Ну же, лети сюда,
в этот спичечный домик, просоленный до костей,
где дольше века, измученна и седа,
женщина ждёт вестей.

Вспоминай, как всё это было, ну же, зажги очаг,
завари покруче зелье горюн-травой –
остро память запляшет в цыганских его лучах
ящеркой огневой.

Ахнет море, отступит, пенной слюной шипя,
в илистой яме вскружит водоворот,
и на побывку отпустит ко мне тебя,
оплаченное вернёт.

3. Неслучившийся юбилей

Я пришла на юбилей. На оградке две синицы
потрошат кусочек пиццы. Иней сыплется с ветвей

на нехитрый бутерброд, на «Московского» бутылку.
Солнце гладит по затылку: март, однако. Поворот

на которую весну?.. Тоже клонит к юбилею.
Припекает. Разомлею – не замечу, как засну.

Не меняешься, хитрец. Улыбаешься с гранита.
Взял и умер – шито-крыто, нашей сказочке конец.

Взял и кинул. На кого? А, тебе теперь не важно.
Где-то был платок бумажный... Утираюсь рукавом.

Смейся-смейся надо мной, нестареющий мальчишка...
Извини,хватила лишку. Всё, давай по стремённой.

Ну, за память-пустельгу. Чтоб не выело склерозом
этот март, и эти розы, и синичек на снегу.

Осенняя оттепель

Бывает же такое в ноябре –
эмалевое небо голубеет,
и лезет к солнцу глупая трава,
обманутая этой ерундой.

И приобщаясь к призрачной игре,
дурацкое письмо пишу тебе я,
где восемнадцать мне едва-едва,
и ты такой смешной и молодой.

Где ты, как пионер, всегда готов,
и жизнь ещё свежа и восполнима...
Пишу, пишу – про всё, чем мы сильны,
покуда ноября густеет мгла,

и в чёрных окнах скорых поездов,
что мчат нас в нескончаемую зиму,
неугасим, плывёт снежок луны,
подтаявший от нашего тепла.

Маленькие муки

сказки про жизнь мы сочиняем сами
в детстве мне подарили тапки с загнутыми носами
расшитые золотом как у эмира или халифа
в доме пахло красками хлебом теплом олифой
столбики пыли вились в солнечном волокне
вспыхивали оранжевые настурции на окне
тополиные волны вздымались и опадали
шумно дышали и обещали такие дали
что домашние дети распахивали окошки детских
и вылетали на волю в тапках своих турецких
видите вон я аки посуху бегущая по волнам
как маленький мук потеряна счастлива и вольна
не кричите мне «стой» не шурьтесь не делайте ваши ставки
на каком выраже упадут с этих смуглых ножек чудные тапки
над какой марианской впадиной над каким болотом
я сама придумала эту сказку я знаю что там

* * *

В моей элегии лесной
гамак под розовой сосной,
палатки домик навесной —
как на ладошке:

И вот он, час, почти что «че» —
мы здесь, котомки на плече,
и в дымном солнечном луче
танцуют мошки.

Очаг из треснувших камней,
скала замшелая, под ней —
камыш, где стаи окуней
и прочей рыбы,
Вуоксы блёсткая слюда...

Я так опять хочу сюда —
чтоб здесь, и вместе, навсегда —
и я, и ты бы.

Невская губа

Ты, наверно, и не вспомнил сам бы,
как в Кронштадт мы ездили с тобой,
где Нева, опцерив дёсны дамбы,
шлёпала обветренной губой.

Там «БелАЗ» угрюмым великаном
сумерки ворочал, рокоча.
Эта жизнь казалась велика нам —
как с чужого снятая плеча.

Поодаль, теряясь в снежной крупке,
тарахтел заржавленный баркас;
реял снег, рассеянный и хрупкий,
бесприютных осеняя нас...

Нам безбожно врут, что время лечит.
В невозвратно дальней тишине
лишний засыпает человек,
в не свою укутавшись шинель.

Что теперь мести снега подолом?
Лишь во сне, как в собственном гробу,
плыть туда — доверчивым и голым, —
где Нева до Угольного мола
раскатала влажную губу.

Колыбельная на два голоса

Гуси-лебеди летят,
сына взять с собой хотят.
– Кыш, бродяги, улетайте,
он ещё совсем дитя.

– Хоть в крапиву-лебеду,
всё равно от вас уйду!
Ох, и маятно мне, мамо,
в вашем ласковом аду...

– Стой, сыночек, погоди,
я прижму тебя к груди:
спи, мой милый, баю-баю,
в сердце смуту не буди.

– Как темно у нас в доме,
тошно сердцу моему!
Что ж я, мамо, виноватый
непонятно почему?

Гуси-лебеди в окне,
небеса горят в огне.
– Не бросай меня, сыночек,
я люблю тебя зане.

...Над крапивой-лебедой
бродит месяц молодой.
Не баюкай, мамо, сына,
он уже совсем седой.

33-й трамвай

Забывай, забывай, ностальгию возьми в укорот:
 тридцать третий трамвай отправлялся от Нарвских ворот –
 шёл по Газа к Обводному. Я выхожу за мостом.
 Закопчённые стены, кирпичный обшарпанный дом.
 Там, в убогом подвале, был маленький клуб ДОСЛАФ,
 где мы преподавали собачникам клубный устав.
 Особняк через улицу – чинный советский райком.
 Мы обедать в столовую к ним пробирались тайком:
 три копейки салат, канапе с разноцветной икрой,
 комсомольские бонзы – под семьдесят каждый второй.
 Возвращались в подвал, в свой угрюмый прокуренный грот.
 В клубе числилось ровно пятнадцать служебных пород.
 Всюду стенды с портретами лучших собак и вождей,
 не работал сортир, и крысиные норы везде –
 под столами, у сейфа... А в нём – небольшой арсенал:
 из спортивных «пневмашек» по крысам палил персонал.
 Генералы блошинных подвалов, собачьи чины,
 под портвейн мы стреляли по стендам с вождами страны.
 Веселились наутро, дивились, что нам не слабо,
 вынимая корявые пульки из ленинских лбов.
 Ох, и пили! С размахом, и пофиг нам был дефицит, –
 забывалось, что он безраздельно и нагло царит,
 что сидит он у всех поголовно в печёнках, в крови, –
 нам тогда с перехлёстом хватало счастливой любви,
 и на вечное «негде» тем паче плевали стократ –
 прямо в клубе собачьем, на стол постелив дрессшалат.
 Выходили в осеннюю сырость, чисты и легки,
 и вдали, приближаясь, светились во мгле огоньки:
 два – зелёный и красный. Ура, тридцать третий трамвай!..

.....
 Ностальгия, молчи. Забывай-забывай-забывай,
 забивай, не смотри, как в распахнутых створах ворот,
 прибывая, угрюмо гудит разномастный народ:
 все пятнадцать пород одичалых советских бомжей.
 Только рельсы разобраны. Некуда ехать уже.

Девяностые

Спокойствие в городе, вроде.
Но это так кажется лишь:
здесь столько всего происходит!
Пока ты, раззявись, глядишь
на эти колонны и шпили,
на башенки в стиле модерн,
здесь трижды кого-то пришили,
раздели, растлали, и хрен
докличется жертва разбоя
откормленных местных ментов —
в ответ только шёпот приборя
и шорохи поздних авто.
К примеру, держал чемодан ты,
а глядь — только ручка в руках.
Но... кариатиды, атланты!
И башенки, башенки! — ахь!

Зона охвата

*Посвящается любезному моему другу Арсению Кипнису,
прошедшему тернистый путь от православного попа
до охранника в американской тюрьме
для пожизненно заключенных*

Было дело, любил ты синиц да чижих,
крошки света клевал из кормушек чужих,
и не ведал, как жизнь скуповата
на прохладном румянце заката.

А она ведь, мерзавка, не просто скупа –
закрутила, поставила всё на-попа:
от креста довела до острога
сторожить ускользнувшего Бога.

Оказалось, раскатывать вширь – не резон,
и каких бы ты в жизни ни выдывал зон,
одинакова зона охвата,
и чего тут искать виноватых.

Сколько раз это было в навязчивом сне:
ты идёшь и идёшь по толстенной стене,
по белёной стене монастырской –
балтиморской, китайской, бутырской.

А залётные стайки – синиц ли, чижих, –
В небесах – непонятно, – своих ли, чужих, –
всё щебечут, щебечут, чертовки,
и садятся на дуло винтовки.

Свободна

Всё сказала я ему,
уличила босса я.
Вот, сижу теперь в доме,
голая и бóсая.
Мухи об стекло стучат,
спит деревня Тайцы.
Только лампа Ильича
надо мной болтается –
на витом шнуре висит,
вся в пыли и плесени.
Подходящий реквизит
для моей депрессии.

Зимнее високосное

Какая, Господи, усталость
от високосного безумья.

Над горизонтом распласталась
заката зимняя глазунья,
горбатится простор залива
нагромождением торосов,
искрится воздух, бледно-розов.

Раскинешь руки, и, счастливый,
стоишь себе свободной птицей,
один – ни с этими, ни с теми...

А крест твоей огромной тени
густеет, тянется и длится.

Сон

Вдруг выплывает откуда-то: шам-ба-ла...
Имя бормочется чьё-то: Альбарра Дак...
Сны захламляют вселенский сквозной чердак –
что это было, зачем я и чем была

в переплетениях жёстких тугих корней –
там, в глубине, в паутине чужих миров,
где островок окружает широкий ров
с тёмной водой, и ракиты шуршат над ней.

Там, где стоит на мосту человек с горбом,
кажется с виду спокоен и отрешён,
лишь когда ветром колышется капюшон,
светятся лезвия глаз на лице рябом.

Каменный ворон сидит на его руке.
Вот он его осторожно поднёс ко рту –
поит слюною, и ногтем ведёт черту,
след процарапав на каменном кадыке.

Ветер очнулся, вскишел в седине дерев.
шаммм... – зашипела листва в молоке луны.
балла... – забулькал, поплыл горловой напев.
альбарра! – крылья раскинули колдуны.

Влево качнулась, прощально блеснув, река,
острова гаснет зрачок, различим едва...
Кружат, как перья, выпавшие слова
из колдовского мёртвого языка.

Поэт

Не каждый вечен, не каждый мечен клеймом зари.
Искатель встречи, в разливах речи твой остров Крит.
И где он, выход, извины нити да звон литавр?
Сопит, невидимый в лабиринте, твой Минотавр.
И белый – алым, и чёрный – алым на фоне скал:
заря то гасла, то вновь вставала, твой парус – ал.
Русалки пели, скользя вдоль рифов, кораллов рифм,
рифлёных мелей... О, труд сизифов – прилив, отлив.
Прощальным взмахом на мачте дрогнет мечты флажок –
ты был без страха и без упрёка, искатель строк.

Невидимки

Мы – невидимки. Вот и хорошо.
Забытые у Бога под полою,
растим на окнах пыльные алоэ,
читаем «Новый мир», «Звезду» и «ШО».

И пусть его. Нам нечего терять.
Пока воронкой кружит... как там?.. кризис,
мы дёргаем невидимую привязь
и пишем наблюдения в тетрадь.

Вся жизнь – запас. И нас не призовут
начальники страны к перу и шпаге.
А ворохи исписанной бумаги –
проверено – горят за пять минут.

Гори оно. И синий – тоже свет.
Невидимую руку дай мне, брат мой:
нам всё равно дороги нет обратной,
поскольку никакой дороги нет.

Нам – только вверх. К весёлой вышине,
где невидимки, собираясь в стаи,
не смотрят вниз и никогда не знают,
зацвёл ли их столетник на окне.

* * *

На цепочку валунов
небо крепится к заливу,
тихо светится вода,
к горизонту уходя.

Этот мир, пускай не нов,
но сработан кропотливо –
блещет первая звезда
тусклой шляпкой от гвоздя.

Как ни прыгай, ни качай,
только лишнее стряхнётся –
на невидимой оси
мир устойчив, глух и нем.

Что ему беда-печаль
человечка-инородца,
что на ниточке висит
и не держится совсем.

* * *

Брошу пустую флягу,
тут, на дороге, лягу –
что ж меня гнать по свету,
как сироту-бродягу?

Щиплет коленки йодом;
чай с молоком и медом,
в сливочной пенке небо
с облаком большеперотым;

пахнет пятью годами,
детскими городами,
где пустыри изрыты
бархатными кротоми...

Память моя, ну что же
гложешь меня и гложешь,
что же ты вытворяешь?
Эй, порученцы божьи,

что припасли ещё вы
в этот сюжет грошовый,
по миру отправляя
с сердцем в суме холщовой?

* * *

Куда податься? догорели избы
и рукописей жухлые листы.
Неистребимый призрак шовинизма
разводит заржавелые мосты.

Всё думали, что пишем, что камлаем.
Бог отвернулся, он от нас устал.
Неистовый скакун под Николаем
литым копытом топчет пьедестал.

Вдыхает запад терпкий дух массандры,
и бродит кровь, что виноградный сок.
Но фыркает битюг под Александром,
и облако уходит на восток.

Вползает мёрзок в колыбель коллизий.
Наш бедный всадник не добил змеи.
Опять брести канавкой бледной Лизе
и вглядываться в бездну полыньи.

Смотри – сквозь тектонические плиты
сочась, бурлит болотная вода.
Выходит, нынче все космополиты.
Теперь – куда?

Петербургская колыбельная

На виске вспотела родинка,
жарко, жарко, спать пора.
Спи, хороший мальчик Роденька,
не касайся топора.
Сон горячечный откатится
по Столярному к Сенной:
видишь – Соня в чистом платьице,
вся пронизана весной,
завернула на Садовую,
солнце брызнуло в лицо,
и блестит на пальце новое
обручальное кольцо.
Попусти ты им, сквальжникам,
что томятся да дрожат,
тут под каждым под булыжником
деньги липкие лежат.
Сотворить дурное есть кому,
крутят бесы шар земной.
Не спустить бы Достоевскому
тысяч десять в казино,
после корчей эпилепсии
не скрипеть в ночи пером –
ах, тебе на чёрной лестнице
не стоять бы с топором...

...Дождь накапывает вроде как,
воздух чище и свежей.
Спи спокойно, мальчик Роденька,
всё исполнено уже.

Белая ворона

Очень сыро. Накрыло, свело
 петербургской зимой полусонной
 всех нас, грешных. И ноет крыло
 у нахоленной белой вороны.
 Что поделать, дальтоник-артрит
 донимает и чёрных, и белых.
 Это годы, мой бедный шнит,
 потихоньку вгрызаются в тело.
 Только ночь для тебя, только ночь:
 лишь перо на оконных осколках,
 и ещё одна белая точ-
 ка теряется в звёздных иголках.
 Ты роскошно свободен и нищ,
 как бывают пичуги и боги.
 Над зубчатой полоскою крыш
 посветлеет, глядишь, на востоке,
 и задышат на полках тома,
 в монохромной закашлявшись прозе...

Просто ночь за окном. И зима.
 И воронье гнездо на берёзе.

Признание в любви

За могучими плечами небоскрёбов
(капюшон, поглубже руки в рукава)
я гуляю вдоль сиреневых сугробов,
где притихла низкорослая Москва.
В палисадах клёны инеем белеют,
и посверкивает кварцевая взвесь.
Я шагаю по коралловой аллее
и присваиваю жадно всё, что есть:
эти домики, чугунные воротца,
эту пряничную церковь на углу,
где из окон леденцовых масло льется,
предвечернюю растапливая мглу.
В этой хрупкости пушистого покоя
предвкушение и свежесть Рождества.
Боже мой, как я люблю тебя такую,
Моя маленькая, милая Москва!

Осенняя дача

Небо серой затянута ватою –
Бог жилище свое утеплит.
Тишина. Только яблоки падают,
будто тукает сердце земли.

Сладко мне – между прошлым и будущим,
с привиденьями накоротке, –
шебуршиться в доме обезлюдевшем
позабывтым жуком в коробке.

И в награду мне, скитнице-бражнице,
не приемлющей осень в расчет,
солнце яблочным боком покажется –
словно что-то возможно ещё.

Лето

Блещет луковка часовни.
Лебеда, осот.
Отпустили бы часов мне
тысяч восемьсот!

Гул пчелиный, дух полынный,
речка – что стекло.
А ведь больше половины
мимо утекло.

Что же мне всё мало, мало,
жадине такой?
Но сегодня время встало
сонною рекой.

Человечек – божья рыбка,
мелочь, ерунда.
Пусть меня качает зыбко
тёплая вода,

где сверкает купол древний
поплавком в реке,
и рыбарь на солнце дремлет
с удочкой в руке.

Ранняя прогулка

Даже в нашем центре загазованном
майским утром воздух посвежел,
и цыплячья зелень над газонами
распушила пёрышки уже.
В облаках протаивают просини,
солнце всё доверчивей, ясней,
как ребёнок, разметавши простыни,
сладко улыбается во сне.
Шелестит машина поливальная,
и прохожих нет ещё нигде,
только я, как бабка повивальная,
принимаю этот новый день.

Комаровская колыбельная

Вот безвременья петля: дача Аннандревы.
Комаровская земля, тот же воздух древний.
Почитай, полсотни лет всё осталось прежним –
невечерний долгий свет, ветхие скворешни,
ветки хвойное крыло над казённой дачей...
Что её пережило, то и нас тем паче.
Ржавый след от гамака на стволе древесном
скоро скроют облака над сосновым лесом.
Звёзд рассеянная шаль,
скрип небесного ковша –
плавно вправо, плавно влево...
Спи спокойно, королева,
бесприютная душа.

Сумерки на писательских дачах

Освещает закат по касательной
сосен рыжие свечи,
на воронью слободку писателей
опускается вечер.

В унисон комариные арии
с перебором гитарным.
Вот уже и веранды аквариум
вспыхнул светом янтарным,

и внутри, осенённая славою
мирового пошиба,
голова председателя плавает,
словно главная рыба.

Умолкает нестройная песенка,
закатившись в черничник,
где фонарики криво развесил нам
светлячок-пограничник.

А за этой мерцающей линией
жизнь темнеет другая,
нас, как древний уступ литориновый,
стороной огибая.

Поэт и яблоки

(осеннее, почти несерьёзное)

Он у окна сидит, небритый,
подпёрши щёки кулаками.
А яблоки летят с орбиты,
блистая лунными боками.
Треща от спелости, наливывы
о землю стучаются глухо.
А он – на даче, несчастливый,
и жизнь ему скучна, как муха,
жужжащая в проёме окон
за старой тюлевой гардиной.
Тоска, свивая серый кокон,
ворочается за грудиной:
кому – венец лауреата,
земная слава, Ницца, Варна...
а он вот жертва плагиата,
интриг и сплетен кулуарных.
Стихов его не оценили,
и быт накрыл разбитой лодкой...

На кухне в облачке ванили
жена щебечет над шарлоткой.
Он подышать выходит в сени,
и там стоит, забытый Богом,
как яблоко с подгнившим боком
в траве осенней.

* * *

Поэт – не злодей. Он печальная жертва инцеста
раздутого эго со всепоглощающей ленью.
Он свято уверен, что боги с глазами оленей
ему на Олимпе придержат законное место.
Внутри он – гнездовье для страхов и мутных депрессий,
снаружи – загадка, как идолы с острова Пасхи.
Он истину ловит, используя тайные пассы
и, кокнув скорлупку, вбивает в словесные смеси.
Ночами, на кухне, посредством бутылки и лиры,
он служит большому искусству сакральные мессы.
При этом в процесс пробираются юркие бесы,
разнузданно гадя и делая чёрные дыры.
А он и не ропщет. Он знает: поэты – изгой.
На склоне – и лет, и горы, – горизонты обширны.
Подобно улитке, он, хрустнув под чьей-то ногою,
пускай на подошве, но всё же достигнет вершины.

* * *

Дачи притихли. Хрипло рокочет гром,
женщины спешно срывают бельё с верёвок.
Снова Илья в поднебесье гремит ведром
и поливает божьих своих коровок.
Мы и не ропщем. Что нам осталось тут –
лето уже украдкой пакует вещи.
Разве еще бегонии поцветут,
разве что яблоки в мокрых ветвях поблещут.
Разве друзья – да хватит им куражу! –
в струи потопа геройски нырнут с разбега
и приплывут на жёлтый мой абажур –
углый фонарик, маяк на борту ковчега.

Ёжики в тумане

Когда во тьме грохочет дождь,
и корчит ночь свои гримасы,
то кажется, что ты плывешь
на углой палубе террасы.
Качает водяной права,
а мачта гнётся, ветер свищет,
и водорослями трава
уже опутывает днище:
ещё чуть-чуть – и пропадёшь,
поглотит комаровский морок...

Тут на крыльцо, смурной и мокрый,
пыхтя, карабкается ёж.
Сухой учуяв островок,
чихнул и притулился рядом,
блеснув смородиновым взглядом
на твой приветственный кивок.

И ёжатся, уставясь в дождь,
уравненные непогодой,
два существа одной природы –
ёж-человек и просто ёж.

Комаровские муки творчества

*Поэту Алексею Ахматову,
моему соседу по писательскому городку,
где он по иронии судьбы арендует дачу
своей великой однофамилицы*

Сидеть на террасе и слушать дождя воркотню,
писать про туман, обволокший поджарые сосны...
Но в будке ахматовской капсель соседа несносный
всю эту романтику мне подорвал на корню.

Пожалуй бы, надо ему отнести молока,
горячего, с мёдом. Нет, лучше микстуры с лакрицей.
Хотя... вдруг он там не один, а, к примеру, с девицей?
И я тут такая – в халате и с чашкой, ага.

Да ну их. Итак, о тумане. Вернёмся в строку,
где в капельках мелких, мерцаая, дрожит паутинка...
Да что ж его так разбирает? А эта кретинка
задрыхла, и чаю не может согреть мужику!

Нет, вряд ли. Уснёшь тут – ведь это не капсель, а лай.
Вон, эхо какое. Наверно один, бедолага.
Придется тащиться. А может, и вправду собака?
Ведь звук искажает в тумане – поди, распознай.

...А ночь колдовская висит на чешуйках коры,
колышется в люльке из тонкой серебряной сети.
Всё тише, и тише... И гаснет окно у соседей.
И стих написался. И стих благородный порыв.

* * *

Серебряные гвоздики дождя
вколачивает август в гробик лета.
Кончаются под утро сигареты,
и злишься, в эту сырость выходя.

А зонтик – сломан. И, почти бегом, –
на волглый огонёк ларька в тумане,
где, если повезёт, дежурит Аня –
твой слабый шанс разжиться коньяком.

Но за прилавком сладко спит Айгюль.
Ей снится мама, дыни, абрикосы,
ленивые разморенные осы,
и азиатский солнечный шоль...

Возьмёшь тихонько с полки пачку «Вог»,
Стараясь не звенеть, положишь деньги.
А дождь прошёл. На мокрые ступеньки
легла луна. И ты один, как Бог.

Дым сигареты, призрачный ивняк,
седые сосны – всё твое до завтра.
В тиши охрипший рокот динозавра
разносит эхом дальний товарняк.

Весь мир, как храм – волшебен, незнаком.
Идёшь, не чуя ног, луной облитый.
И счастье есть, чего там ни мели ты.
И спит Айгюль. И бог с ним, с коньяком.

Заброшенная дача

1.

Верить, что это с тобой не случится –
неодолимый искус.
Глухо упала мёртвая птица
в мокрый жасминовый куст.
Два силуэта на тёмной веранде –
тихий хозяин и гость.
Не доверяйте им, не доверяйте
башенку-белую кость.
Не разгадаются больше по скрипам
хрупкие эти шаги –
птичье послание, тайный постскриптум,
шорох посмертной строки.
Трётся о небо в сосновой щетине
ржавая крыша-колпак.
Дача пуста. Никого и в помине.
Птица шуршит в облетевшем жасмине
и не затихнет никак.

2.

день и ночь по ржавой крыше
льётся долгая вода
блещет темень как слюда
прилетай мой ангел бывший
поиграем в города
в тёмной башенке мансарды
грохот капель вразнобой
на столе раскинем карты
за стаканчиком массандры
помолчим вдвоём с тобой
в этом стареньком спектакле
то ли вместе то ли врозь
ты сегодня просто гость
барабанят в стёкла капли
всё ли так ли всё ли так ли
зря поставил на пентакли
не сложилось не срослось

3.

Не плети свою тайную весть, паутиновый шива:
всё, что было напёпгано здесь – нереально, фальшиво:
и сарай, и колодец кривой, крыша с башенкой вдовьей.
С узелком на плече домовой покидает гнездовье.
Но рассеянный луч, трепеща, всё блуждает, цепляясь
за увядшие листья плюща, за бесплотную завязь.
Чья-то жизнь, что уже утекла, всё морочит, всё длится –
сквозь осколки цветного стекла по гнилым половицам
вдруг метнётся оранжевый свет, вспышкой выхватит фото –
пожелтевший немой силуэт так знаком отчего-то.

Вечер долгий

Пока в незатейливой кофемолке
вращаются жернова,
да будет щедрее мой вечер долгий,
где щурится на каминной полке
насмешливая сова.

Покуда я в мире моём келейном
хозяйка своим словам,
найдётся, кому на призыв «налей нам»
наполнить бокалы густым глинтвейном,
плеснув через край и вам.

Покуда не кончил свое плетенье
божественный шелкопряд,
да хватит нам сил для любви и лени,
вот здесь, у огня, где трещат поленья
и рукописи горят.

Ужин на траве

Скатилось солнце с Колокольной горки,
алеют сосны в медленном огне.
Мы, сгрудившись в траве вокруг скатёрки,
как воробышки в солнечном пятне,
чирикаем, восторженно щебечем,
клюём закуску, песенки поём.
Но тень уже нас трогает за плечи –
бессмертных нас в неведеньи своём.
Глядишь, и zalюбуется Всевышний,
и в сердце надвигающейся тьмы
оставит свет, а в нем – коньяк и вишни,
и маленькие солнечные мы.

Памяти Володи Шпакова

1.

В октябре перелётным тянуться на юг,
и листве облетать, догорая дотла.
Умер друг у меня, самый лучший мой друг.
Вот такие дела.

Не хочу ни метафор, ни вычурных слов,
ведь у горя прямая и грубая речь.
Просто чёрной земли открывается слой —
износиться и лечь.

А пока что молчать, запрокинув лицо,
чтобы слёзы стояли, как в чашах вода,
и следить за взмывающим в небо скворцом:
до свида...

2.

Желтеет небо на заре,
поёт восторженно валторна,
и так свободно и просторно
тем, кто уходит в октябре
и, резвым школьникам под стать,
опять, смеясь, пинает листья –
как будто дома отпросился,
пообещав не умирать.
И в этом нет ни слова лжи –
у Бога правда мёртвых нету.
Горят, исполненные света,
кленовых листьев витражи.
А там, за ними, синева,
что так и тянет оторваться!
И листья лёгкие вихрятся,
и ветер треплет рукава...
Земное всё теряет вес –
не удержать, не заарканить.
А мир – он просто наша память
по обе стороны небес.

* * *

Когда нам остались метель и тщета,
а всё остальное забрали,
наощупь заснеженный Питер читай
по Брейгелю, словно по Брайлю.

Следи вереницы бредущих слепцов
во времени нашем холопьем –
как кружат они, подставляя лицо
мятежным вихрящимся хлопьям.

Смотри, как бывшее втекает в сейчас,
и новый разлив неминуем.
Лови их сетчаткой залепленных глаз,
запихивай в клетку грудную –

шары фонарей, и аптеку, и ночь,
канал, погрузившийся в кому,
незрячих людей, ковыляющих прочь
по тонком льду золотому,

и верь, что хранит твой непрочный ковчег
спасенья наивный талантец,
покуда плывет сквозь беспмятный снег
твой малый летучий голландец.

Содержание

Питер. Брейгель	4
Птица	5
Восхождение	6
«Запотело небо снизу...»	7
Крещенское.	8
Закатное	9
Пандемия	10
9 мая 2020	11
Зима близко.	12
«Бараньи рёбра фонарей...»	13
«Как снежная пушка...»	14
«Тут солнечно и холодно...»	15
«Ночью выпадет снег...»	16
Святки в Песочном.	17
«В день солнечный...»	18
Мой город.	19
«Вечер пахнет свежескошенной травой...»	20
«Сентябрьский луч зажжёт цветные стёкла...»	21
«Вот и люби, что тебе досталось...».	22
Ленинградское детство.	23
Буквоедное	24
По праву винодела	25
Юность	26
Крымское	27
«Он просто уехал...»	28
Глубина (цикл)	29
Осенняя оттепель.	32
Маленькие муки	33
«В моей элегии лесной...»	34
Невская губа.	35
Колыбельная на два голоса	36

33-й трамвай	37
Девяностые	38
Зона охвата	39
Свободна	40
Зимнее високосное	41
Сон.	42
Поэт	43
Невидимки	44
«На цепочку валунов...»	45
«Брошу пустую флягу...»	46
«Куда податься? Догорели избы...»	47
Петербургская колыбельная	48
Белая ворона	49
Признание в любви	50
Осенняя дача	51
Лето	52
Ранняя прогулка	53
Комаровская колыбельная	54
Сумерки на писательских дачах	55
Поэт и яблоки (осеннее, почти несерьёзное)	56
«Поэт — не злодей...»	57
«Дачи притихли...»	58
Ёжики в тумане	59
Комаровские муки творчества	60
«Серебряные гвоздики дождя...»	61
Заброшенная дача	62
Вечер долгий	65
Ужин на траве	66
Памяти Володи Шпакова	67
«Когда нам остались метель и тщета, а всё остальное забрали...»	69

Илюхина Галина Александровна

Птица Брейгель

Книга стихов

Издательство «Русский Гулливер»

Москва

e-mail: russian_gulliver@mail.ru

gulliverus.ru

Редактор – Вадим Макаров

Обложка – Евгений Антипов

Дизайн и верстка – Алексей Воропанов

Подписано в печать 17.11.2021 г.

Формат 60x90 1/16. Печ. л. 4,5

Гарнитура Гарамон

Печать офсетная

Заказ № 315

Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета

в АО «Т8 Издательские технологии»

109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, кор. 5

Тел. 8(499) 322-38-30

ISBN 978-5-91627-279-6

9 785916 272796 >